

Е.Е. Завьялова

ПРИНЦИПЫ ДВОЙНИЧЕСТВА И ДВОЙСТВЕННОСТИ В «ДОМЕ БЛИЗНЕЦОВ» А.В. КОРОЛЁВА

Выявляются способы и задачи манипулирования числом «два» на разных уровнях художественного целого романа. Речь ведется об удвоении букв в онимах, созвучиях. Обращается внимание на повторяющиеся числа (прежде всего «два») в значимых и, казалось бы, несущественных замечаниях по ходу действия. Представляется типология сравнений / соотношений в системе образов «Дома близнецов». Прослеживаются мотивы отражения и копирования. Определяются истоки и философский смысл подобных построений.

Ключевые слова: *А.В. Королёв, «Дом близнецов», двойничество, двойственность, повтор, уровни художественного текста, принцип игры.*

Опубликованный в 2016 г. роман А.В. Королёва обратил на себя пристальное внимание исследователей. Рассматривались проблематика [1], жанровое своеобразие произведения [2], интертекстуальные включения [1, 3], закономерности в построении сюжета [3] и др. Редкий случай: автор романа сам дал комментарий к одной из статей [4], где признался, что стремился «создать текст с как можно большим уровнем и числом возможных прочтений» [Там же. С. 184].

Особая роль в творчестве А.В. Королёва отводится феномену игры. Думается, с этой точки зрения «Дом близнецов» изучен недостаточно. Нашей целью стало определение способов и задач манипулирования числом «два» на разных уровнях художественного целого.

Начнем с фонетического уровня. Неслучайным представляется **удвоение букв** в онимах. «В имени хозяина клиники заложено противопоставление: с одной стороны, борьба, которая длится, с другой – победа как конец борьбы. Удвоенное “р” во второй части указывает на двоеение, которое не позволяет этой борьбе закончиться» [3. С. 114], – пишет А.Г. Янкус. «Любопытно сказано... о том, что в имени фон Боррис заключены фаза борьбы и конец борьбы, и, хотя я об этом прямо не думал, но вижу, что это состояние мной как-то чувствовалось...», – отзывается автор [4. С. 183]. Добавим: в шевронах княже-

ских инициалов «VfB» можно усмотреть знак удвоения / отражения: ‘вз’ латинская (V) и русская (B).

Идею бифуркации потенциально несут в себе имена еще двух (точнее, четырех) людей. Искомый персонаж, человек, скрывающийся под просторными одеждами своего сиамского брата Авеля, назван Аиром Фаринелли (Фарро); и полная, и сокращенная версии онима содержат удвоенные согласные. На стене номера, который достается отыскивающему близнецов детективу Драго, висит гравюра-подсказка: изображение графа Лаццаро Коллоредо [5. С. 39] – лица-фала.

А.В. Королёв подчёркивает концептуальное значение **созвучий**. Надыхавшийся парами мандрагоры Валентин приходит к выводу, что в резонансе таится панацея от страшных болезней [5. С. 111]. Князь буквально помешан на соответствиях: «...Катрен и Катрекс – слова-близнецы. <...> три “Ка” – Катрен, Катрекс и Каббала – тоже сыграли свою роль в моем решении: ого, у этого человека есть шанс на чудо» [Там же. С. 110]; «“Смерть” окружена близкими по смыслу словами. Вот этот ряд: смерть – мера – смерд – смрад – сметь – смеркаться... Смерть – это значит сметь смерить взглядом что-либо. Смерть – это смотр меры, ее суть – примеривать человека к смерти. <...> Смерть – это мерка, смерть смеет смерить смертного взглядом» [Там же. С. 215]. О.А. Колмакова и М.Н. Жорникова указывают, что мотив близнецов обыгрывается в романе «на уровне каламбура (ВАЛеНтИн ДрАГО двойник ДоНа КЛАВИГО)» [1. С. 141]. «...Драго – часть слова мандРАГОра...» [4. С. 185], – замечает писатель. По нашему мнению, созвучность имен князя Борриса и его гостя хасида Баруха тоже неслучайна.

В «Доме близнецов» **повторяются числа**. Шарик рулетки при появлении Валентина в домашнем казино останавливается в гнезде «11» [5. С. 53]. Кожев признается, что ему 111 лет [Там же. С. 219]. В гостевом доме заповедной полосы Драго отводят тот же номер, что в «Старине Шоколаде»: «...ключ от номера 31. “Точно такой же мне достался в мотеле”, – отметил наш детектив» [Там же. С. 35]. 27 доbermanов остаются в застывшем 1927 г. (выбраться откуда Валентину посчастливилось 27 мая).

Бесспорное лидерство в романе принадлежит **числу «два»**. Оно часто встречается в описании поместья Хегевельд. Особняк, копи-

рующий лежащего «...египетского сфинкса с лапами зимнего сада... [5. С. 5]; «две протянутых лапы из сплошного стекла, по-видимому, оранжереи...» [Там же. С. 21]; «стеклянные лапы в полтора этажа» [22]. Акведук «из череды воздушных стальных арок в два яруса» [5. С. 23]. Двухэтажный кабинет князя [Там же. С. 182, 229]. Высокая дверь «из двух половин» [Там же. С. 276] в доме Фаринелли. Гимном одержимости Борриса идеей парности / симметрии звучит описание холла для вечерних пиршеств: «Огромный длинный обеденный стол <...> стоял посередине двухэтажной галереи, внутри левой стеклянной лапы хозяйского особняка между двумя рядами декоративных веерных пальм, посаженных в строгие кадки. Ни одна не была выше или ниже соседки. Интервалы были строго рассчитаны. Даже тени были похожи. Все выдавало патологическую страсть хозяина к геометрии. Горящие люстры на потолке были также маниакально похожи» [Там же. С. 71].

В Хегевельде многие объекты представлены в количестве двух: «Х-образный бассейн в оправе из мрамора» [Там же. С. 34], «два вертолета класса Геликоптер Евро» [Там же. С. 234], «...зал домашнего казино с... парой игровых столов» [Там же. С. 52], «две жестяных коробки» [Там же. С. 41] на ванной полке (с мылом и зубным порошком). Возможно, так видит окружающее пространство Валентин: увлеченный задачей отыскать близнецов, он замечает форд Модл Эй в «два окна» [Там же. С. 24], «двухместный электрокар» [Там же. С. 23] и пр. Еще до приезда в поместье гостевой дом обозначен «на плане сыщика цифрой “2”» [Там же. С. 33].

Число «два» часто повторяется в словах гостей и пленников Заповедного берега. Например, в рассказе Герды о попытке побега: «...за мной кинулась только *пара* байков на хондах» [Там же. С. 93]; «*два* стюарда из бара зырк-зырк на меня» [Там же]; «[на корабле] было *две* тысячи пассажиров» [Там же] (здесь и далее курсив мой. – Е.З.). В образных сравнениях гостя князя Гелия Франка: «Как *два* космоса стали роиться? Как немецкий рой принял очертания свастики, а русский рой – контур звезды?» [Там же. С. 150]; «...под Москвой на даче умирает демонический Ленин. При вскрытии обнаружено, что мозг вождя скукожился до размеров *двух* иссохших картофелин» [Там же. С. 151].

Катанием двух агатовых шаров по скатерти развлекается «безучастный и вялый певец» [Там же. С. 170, 171] Клавиго (в этом эпизо-

де таится очередная подсказка проницательному читателю). Два шнура крепят шлем мандрагоры [5. С. 179]. Два пируэта совершает путешествующий по карнизу гостевого дома Валентин [Там же. С. 180]. Из двух кофров-термосов слуги достают еду князю [Там же. С. 283]. Носки мертвого «близняшки» [Там же. С. 15] Клавиго, которые с отворачиванием надевает Драго, становятся в общем контексте значимым символом. Сходной коннотацией наделяются «эротические» описания: «эта устаревшая амуниция бабушек Пруссии намеренно не скрывала лобки, обритые наголо, где дерзко темнели стиснутые в полосу жабры любви» [Там же. С. 236].

Большинство чисел в «Доме близнецов» содержит **цифру «2»**. Приведем несколько примеров. 22 страницы в волшебной книге «Сад исполнения желаний» [Там же. С. 176]. Капкан № 22, в который попадает убегающий из Хегевельда Валентин [Там же. С. 283]. Ежедневные «20 минут быстрого кроля в бассейне» [Там же. С. 270] в исполнении Драго. «Два часа гонки до аэропорта Калининграда» [Там же. С. 264] в его мечтах. Второй этаж гостиницы, на котором сыщик испытывает непреодолимое желание покончить с жизнью [Там же. С. 171]. 20-й номер, в котором живет некто Кожев [Там же. С. 219]. Два миллиона долларов, заплаченных князем за картину А. Бёкли [Там же. С. 225]. И жест «о'кей», описываемый как «кружок из двух пальцев» [Там же. С. 267].

Числа с цифрой «2» часто фигурируют в рассуждениях и философских построениях: «в возрасте двухсот лет разом объявятся миру [бессмертные] как властелины землян» [Там же. С. 220], «флюиды этого происшествия на расстоянии в пару тысяч километров» [Там же. С. 225], «в два раза превышает размер нашей солнечной системы» [Там же], «на блюбочке два молчания: капля извечно немного меда и утихшая капля шмелиного гула» (Кожев) [Там же. С. 190]; «тело вождя – двойной саркофаг» (Гелий Франк) [Там же. С. 153]; «двадцать лет назад» [Там же. С. 238], «в его книжице толщиной в два пальца» [Там же], «еще каких-то двадцать лет назад» [Там же. С. 237], «еще каких-то двести лет назад» (брат Один) [Там же. С. 238]; «двести миллионов лет» [Там же. С. 249], «двойка..., когда складывается в фигуры. <...> Они-то и есть основание мира» [Там же. С. 250], «Вселенная – эта пара из двух прильнувших к другу бездонных кругов в виде восьмерки» (брат Два) [Там же. С. 252]; «жизнь состоит из

двух половин: беготни и сновидений» (Герда) [5. С. 207]; «два корня истины» (Валентин, читающий Книгу) [Там же. С. 194] и т.п.

В «несущественных» замечаниях по ходу действия тоже главенствует цифра «2». Сами по себе детали вполне оправданы обрисованными ситуациями, но вкуче свидетельствуют о намеренности воспроизведения. Валентин Драго и дон Клавиго знакомятся «на ужине в баре мотеля, где можно было перекусить *парочкой* пережаренных стейков» [Там же. С. 14]. Бармен велит подать «близняшкам *второе* пиво бесплатно» [Там же. С. 15], за фото обещает «*два* дня пиво» [Там же] за его счет. Надев объемные брюки ватиканского профессора, Валентин передвигает «укол пряжки на *два* деления» [Там же. С. 18], а потом переносит тело умершего «через *два* порога в свою комнату» [Там же]. Около 20 минут составляет время «езды от шлагбаума до клиники и дальше к особняку» [Там же. С. 21] Хегвельда. В *два* часа ночи Дрого приезжает в это поместье [Там же]. В 22.00 Валентина будит коридорный слуга, чтобы проводить на первый ужин [Там же. С. 60]. Дизайн Заповедного берега выполнен в духе «странного культа *двадцатых* годов *двадцатого* века» [Там же. С. 113].

Употребление **устойчивых оборотов** соотнобразуется с обозначенной концепцией: «еще *два* слова о гостевом доме» [Там же. С. 34], «князь покончит с вашим рассудком в *два* счета» [Там же. С. 29], «он бы сделал это в *два* счета» [Там же. С. 184], «пифия в *два* счета раскусила приступ моей меланхолии. Хватило *пары* дней, чтобы прочесть прошлое досконально» [Там же. С. 222]; «мы озолотились *парой* блистательных мнений» [Там же. С. 208], «всего *пара* минут» [Там же. С. 222], «*пару* страниц его книги» [Там же. С. 249] и т.п.

Очевидно наличие двойников в системе персонажей романа. А.Г. Янкус указывает на то, что «двойничество и близнецество представляют разные типы парных отношений» [3. С. 116] в романе. Он делит группы героев на те, что абсолютно тождественны (Брат-1 и Брат-2), что похожи, но противопоставлены (Магда и Герда), природно неравновелики (Фарро и его сиамский близнец), дополняют друг друга (Пифия и Кукла Катя).

«Миром правят подобию, и отражение никогда не промахнет мимо зеркала», – заявляет Печорин, герой королёвского коллажа «Дама пик» [6. С. 248]. Считаем необходимым дополнить и иначе обозначить ряды сравнений / соотнесений в «Доме близнецов».

I. В романе много **парных эпизодических персонажей**: два полицейских на КПП [5. С. 43], «две внимательные рожи секьюрити» [Там же. С. 20], «два качка из охраны» [Там же. С. 266], два охотника-всадника [Там же. С. 54], два гарсона [Там же. С. 62], прислуживающих на первом ужине у князя, два официанта [Там же. С. 104] на втором, «два хмурых стюарда» [Там же. С. 273] на теплоходе нудистов, резвящаяся парочка доберман-пинчеров на прогулочной площадке [Там же. С. 55], два паучка-убийцы в коробочке Борриса [Там же. С. 200–218].

II. Персонажами (объектами), **внешне схожими**, будут:

- близнецы Герда и Магдалина; брат Один и брат Два;
- Валентин Драго и Дон Клавиго, Боррис и его «секретарь» Магдалина (и у тех и у других разница в возрасте приблизительно в *двадцать* лет);

герои, напоминающие кого-то другого:

- пифия – Марлен Дитрих [Там же. С. 262]; князь – Макса фон Зюдова [Там же. С. 284];

- Валентин, голосом, по словам Оскара Янкеля, его сына, младшего близнеца [Там же. С. 8];

а также:

- корень мандрагоры, почудившийся детективу хамелеоном [Там же. С. 18].

III. Ситуация двойничества возникает в результате **присвоения имени**, таких вариантов в романе много:

- Валентин Драго представляется Доном Клавиго;

- Валентином якобы зовут еще и секретаря князя («Я, я – Валентин Дураков, дон Клавиго. Я забыл представиться» [Там же. С. 36]);

- Валюном, если верить, именуется себя Магда во время эротических игр с сестрой [Там же. С. 77];

- кличка Клавиго, по рассказу Борриса, дана ньюфаундленду князя в честь архивариуса [Там же. С. 70];

- одинаковое имя у детектива и его повесившейся тетки [Там же. С. 56];

- охранник на берегу кричит Валентину «голосом Полифема» [Там же. С. 233]; картину с изображением циклопа Драго рассматривает незадолго до этого в кабинете хозяина Хегвельда.

IV. Находящемуся под воздействием паров мандрагоры Валентину является **призрак** бывшего владельца угодий Геринга; сначала в бильярдной [5. С. 181], затем у телескопа [Там же. С. 275]. Ночная бабочка сатурния, едва не приведшая к падению Драго с акведука, – духом постника Винченцо. Это ментальные двойники.

V. Благодетельным вариантом воплощения симбиоза пары Аира и Авеля Фаринелли становятся

- «безмолвная пифия с говорящим ртом – внучкой Куклой» [Там же. С. 187];

- их аналог в животном мире – пчелиный «гермафродит фараон» [Там же. С. 157], окруженный горсткой трутней, о котором рассказывает Гелий Франк («точная копия цивилизации» [Там же]);

- в мире растительном – пресловутый корень мандрагоры «в виде двуполого существа с грудью и фаллосом» [Там же. С. 18], Висельник с Русалкой [Там же. С. 27];

- в космическом пространстве – двойная звезда Спика, состоящая из главного светила и вращающегося вокруг него «более слабого спутника» [Там же. С. 121] («звезду из двух близнецов» [Там же] показывает лже-Клавиго Боррис; очередной намек князя вновь остаётся непонятым).

VI. Немаловажную роль играет в произведении указание на **сходство поступков** (предопределения):

- «близнецами обмана» [Там же. С. 137] главный герой именует себя и монаха Ирокеза;

- Гелий Франк полагает, что «мумия Ильича оживает в копии Сталина, <...> Главная цель такого всплытия из смерти – восстановление языческого жертвенника для приема кровопролития» [Там же. С. 153];

- имунными близнецами на одном из симпозиев Боррис называет катрана и ворона, поскольку печень птицы и акулы работает сходным образом [Там же. С. 104–105];

- по словам Виктора, одинаковая участь ждала 27 «дураков и грешников» [Там же. С. 287], вынужденных обратиться доbermanами;

- клуб бывших самоубийц – тоже знак причастности общей доле;

- как и склонность родственников Драго к суициду.

VII. Еще более сложный уровень философского **сходства сущностей**:

- родовая клетка и ее «роковой близнец» [5. С. 101], клетка раковая; псевдо-зародыш как «обманный двойник человека» [Там же];
- смерть и роды: они «окутаны родовой пеленой. Их сопровождает разрыв оболочки» [Там же. С. 195];
- следствие и причина (об этом далее) [Там же. С. 80].

Добавим к этому повторяющийся в «Доме близнецов» **мотив отражения**. Блеску посвящен первый философский ужин, на который приглашен лже-Клавиго. Дважды¹ появляется важная художественная деталь – бинокль. Сначала это предмет оснащения детектива – Carl Zeiss [Там же. С. 9]. Валентин с водонапорной башни рассматривает Хегевельд, направляя «луч зрения к особняку с парой горящих окон» [9]: два окуляра – два увиденных в них окна / ока, «как очи у филина» [5. С. 9]. Потом Драго подкладывают «массивный морской бинокль» [Там же. С. 54], и он рассматривает поместье с крыши гостевого дома. О произошедшем дальше пишет А.Г. Янкус: «Заканчивается эпизод следующим образом: “Тут кто-то пустил прямо в окуляры бинокля солнечный зайчик. Вспышка света была так сильна, что озарила пещеру черепа” [Там же. С. 55]. С одной стороны, это можно соотнести с положением Хайдеггера о человеке как “просвете в бытии”, с другой – образ пещеры, стены которой озаряются светом, отсылает к платоновской концепции» [3. С. 116]. Сам автор подтверждает: «Очень верно сказано, про солнечный зайчик, пущенный девочкой шалунишкой в лицо сыщика, который... озарил его подобно свету в известном платоновском сравнении сознания с пленником внутри пещеры, наблюдающим только отражения и смутные тени от истин...» [4. С. 185].

«Сверкающие блюдечки очков» [5. С. 237] – одних на двоих – упоминаются при описании братьев-физиков. Любимое одеяние Борриса – «куртка-конфетти с глазками вшитых зеркал» [Там же. С. 187]. Имение князя уподобляется «системе зеркал, отражающих безумие мандрагоры» [Там же. С. 143–144]. Вплоть до прелюдии Дебюсси, передающей «романтический импрессионизм, туманную аква-

¹ С героями романа многое происходит дважды: попытки суицида Драго, его намерения завязать серьезные отношения с «замечательными женщинами» [Там же. С. 56], путешествие Валентина по акведуку, приезд на Заповедный берег нулистки Горошка, возвращение туда детектива и т.д.

рель небосклона, отраженную в зеркальной амальгаме горного озера» [5. С. 135].

Еще один значимый мотив в произведении А.В. Королёва – **копирование**. Он проявляется в принципах существования Заповедного берега. «...Мой полумистический Хегвельд помещен в реальный пейзаж бывшего немецкого курорта для летчиков люфтваффе Раушен, ныне Светлогорск, что в паре часов езды от Кенигсберга / Калининграда...» [4. С. 184], – пишет А.В. Королёв.

Боррис скрупулезно воссоздает реалии 1927 г., вплоть до мелочей. Архитектура и интерьеры поместья повторяют те, что существовали в действительности: климатрон – оранжерею Людвига Витгенштейна [5. С. 114], одно из помещений на втором этаже – мемориальную комнату Уильяма Морриса [Там же. С. 146], гостевой дом – парижский «Hotel», где в 1900 г. скончался Оскар Уайльд [Там же. С. 33], клиника – берлинский «Кайзерхофф» [Там же. С. 279] (примечательно, что в оригинале названия нет удвоения на конце слова: Hotel Kaiserhof). «...Узнаю эманации Штука, Россетти, Сомова, Климта в сотнях деталей» [Там же. С. 144], – восхищенно восклицает гость князя Гелий Франк.

Каждый из вечеров-симпосиев Борриса посвящен отчетливо обозначенной теме, в зависимости от которой выбирается одежда для посетителей, костюмы из того времени. И все философские диспуты так или иначе затрагивают проблему двойничества. Всякий ужин – «точный близнец ужина, данного <...> президентом Франции» [Там же. С. 149] (Жискаром д'Эстеном, Франсуа Миттераном, Жаком Шираком) в честь знаменитых визитеров. Портретист Гай Розов пишет вариацию «Тайной вечери» Леонардо с лицами гостей князя [Там же. С. 186] – еще один дубликат, заменяющий подлинник.

Хозяин Хегвельда не скрывает, что весь этот антураж направлен на эскапизм: время остановлено, чтобы прочувствовать «блаженную паузу» [Там же. С. 24] между историческими катаклизмами. Его поместье – «близнец рая, в центре которого Древо познания добра и зла» [Там же. С. 140], мандрагора. А.В. Королёв разъясняет: «Мой герой, фон Боррис, – отчасти злой гений в духе немых фильмов ужаса 1920-х гг., отчасти сверхчеловек и до известной степени нищеец – пытается построить первую опытную модель идеального мира» [4. С. 188]. Увы, за пределами Заповедного берега шлем мандрагоры

оказывается «обыкновенным бабьим чулком» [5. С. 281], огромный смоляной ньюфаундленд – старым псом-инвалидом [Там же. С. 284], красавица Катя – девочкой с синдромом дауна [Там же].

Князь одержим замыслом стать «близнецом Бога» [Там же. С. 70, 140]. Он полагает, что каждый в той или иной степени является отражением Творца, «тень отвечает упавшему свету» [Там же. С. 80]. «...Следствие порождает причину, потому что в точке творения нет промежутков» [Там же], – эта идея, высказанная Барухом, очень важна для Борриса и для самого автора, она часто появляется на страницах произведений А.В. Королёва.

Писатель комментирует: «фон Боррис понимает, что его опытный образец образца 1929 года под пристальным колпаком Взора свыше» [4. С. 156]. Заметим: с этой мыслью связан мотив всевидящего ока, к которому неоднократно обращается автор: «только луна одним глазом видела его преступление» [5. С. 18]; «тайное Око почему-то никак не наведет резкость своих окуляров» [Там же. С. 141]; «вечер возлежал, как зверь с фосфорическими глазами» [Там же. С. 156].

По мнению А.В. Королёва, «диада положена в основание всей христианской теологии» [7. С. 106]. «Слияние Ничто и Бытия в Едином и есть бытие Бога. На стадии диады мир раскрыт и способен к творению и развитию», – рассуждает он в эссе / заключении к «Влюбленному бесу» [Там же]. «Верный ответ всегда состоит из двух ответов» [5. С. 195], – эти слова, прочитанные Валентином в книге садовника Мандрагоры, способны дезориентировать любого рационально настроенного интерпретатора. Но в них – вызов любой ортодоксии. Скрытая сила движения. Вера в продолжение. И два финала романа тому наглядное подтверждение.

Литература

1. Колмакова О.А., Жорникова М.Н. Христианский «код» в романе А. Королёва «Дом близнецов»: когнитивный и коммуникативный аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 138–144.
2. Каменский С. Садовник мандрагоры: Мартин Хайдеггер и судьбы Европы в романе Анатолия Королёва // Независимая газета. 2016. 28 апр.
3. Янкус А.Г. Смерть субъекта как смерть читателя в романе А. Королёва «Дом близнецов» // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 111–124.

4. Королёв А.В. Постскрипtum к статье «Смерть субъекта как смерть читателя в романе А. Королёва “Дом близнецов”» // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 183–191.

5. Королёв А.В. Дом близнецов: роман-детектив. М.: ArsIsBooks, 2016. 296 с.

6. Королёв А.В. Голова Гоголя: роман. Дама пик. Носы: коллажи. М.: XXI век – Согласие, 2000. 320 с.

7. Королёв А.В. Влюбленный бес. История первого русского плагиата. М.: РА Арсис-Дизайн, 2013. 124 с.

THE PRINCIPLES OF DUALITY AND AMBIVALENCE IN *HOUSE OF TWINS* BY ANATOLY KOROLYOV

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 13, pp. 216–227. DOI: 10.17223/24099554/13/12

Elena E. Zavyalova, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia). E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Keywords: Anatoly Korolyov, *House of Twins*, duality, ambivalence, repetition, levels of literary text, principle of game.

The article identifies the ways and tasks of manipulating the number “two” at different levels of the novel *House of Twins* by Anatoly Korolyov. It is no coincidence that letters are doubled in onyms. The names of some characters potentially carry the idea of bifurcation. Korolyov emphasizes the conceptual meaning of consonances. The Knyaz, the central character of the novel, is literally obsessed with correspondences. Numbers are repeated in the novel. An indisputable leadership in the novel belongs to the number “two.” It is often found in the description of the Hegeveld estate, many objects there are represented in the amount of two. The hymn of Borris’s obsession with pairing/symmetry is the description of the hall for evening feasts. The number is often repeated in the words of the guests and captives of the Protected Coast. Erotic descriptions are endowed with a similar connotation. Numbers with the numeric “2” appear in dates, values, reasoning and philosophical constructions. They even dominate in insignificant comments on the course of action. The details themselves are fully justified by the situations outlined, but together they indicate the intention to reproduce. The use of set phrases conforms to the indicated concept. There are many paired episodic characters in the novel. Outwardly similar characters (objects) are the twins Gerda and Magdalen; Brother One and Brother Two; Valentin Drago and Don Clavigo; Borris and his “secretary” Magdalen. Pythia, Knyaz and even the mandrake root remind someone else (Marlene Dietrich, Max von Sydow, chameleon). The situation of dualism often arises as a result of taking a name (Valentine Drago calls himself Don Clavigo; allegedly, Valentin is the name of the Knyaz’s secretary; Magda calls herself Valyun; Clavigo is the name given to the Newfoundland dog of the Knyaz, etc.). The novel also has mental twins, symbiotic pairs. The indication of the similarity of actions (predestination) is also important. The level of the philosophical similarity

of entities is even more complex. In *House of Twins*, the motives of reflection and copying perform a significant function. The Knyaz is obsessed with becoming the “twin of God”; he believes that everyone is to some extent a reflection of the Creator. According to Korolev, the dyad is the basis of all Christian theology. The merging of Nothing and Being in One is the being of God. At the dyad stage, the world is revealed and capable of creation and development. “The right answer always consists of two answers” are words Valentin read in the Book of the Mandragora gardener; these words are capable of confusing any rational interpreter. But they contain a challenge to any orthodoxy, the hidden power of motion, and belief in continuation. The two finals of the novel are a clear confirmation of this.

References

1. Kolmakova, O.A. & Zhornikova, M.N. (2017) Christian “Code” in A. Korolyov’s Novel “House of the Twins”: Cognitive and Communicative Aspects. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6. pp. 138–144. (In Russian).
2. Kamenskiy, S. (2016) Sadovnik mandragory: Martin Khaydegger i sud’by Evropy v romane Anatoliya Koroleva [Mandragora Gardener: Martin Heidegger and the Fate of Europe in the Novel by Anatoly Korolyov]. *Nezavisimaya gazeta*. 28 April.
3. Yankus, A.G. (2018) The Death of a Subject as the Death of a Reader in the Novel House of Twins by Anatoly Korolev. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 111–124. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/7
4. Korolev, A.V. (2018) A Postscript to the Article “the Death of a Subject as the Death of a Reader in the Novel House of Twins by Anatoly Korolev”. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 10. pp. 183–191. (In Russian). 10.17223/24099554/10/10
5. Korolev, A.V. (2016) *Dom bliznetsov: roman-detektiv* [House of Twins: A Detective Novel]. Moscow: ArsisBooks.
6. Korolev, A.V. (2000) *Golova Gogolya: roman. Dama pik. Nosy: kollazhi* [Gogol’s Head: A Novel. Queen of Spades. Noses: Collages]. Moscow: XXI vek – Soglasie.
7. Korolev, A.V. (2013) *Vlyublenny bes. Istoriya pervogo russkogo plagiata* [Demon in Love. The History of the First Russian Plagiarism]. Moscow: RA Arsis-Dizayn.